

С.А. Сахаров

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДУХОВЕНСТВА В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ «КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ»)

Автор рассматривает декреты, изданные римскими императорами в IV–V вв. по вопросам взаимодействия Церкви и государства, а также анализирует эти постановления, опираясь на труды исследователей данного вопроса.

Ключевые слова: Римская империя, Церковь, Христианская империя, декреты императоров, Церковная жизнь IV в.

Проблема статуса христианства и Христианской Церкви занимает особое место в изучении Поздней Римской империи как особого политического, экономического и этно-культурного организма. Христианская религия сыграла, без преувеличения, ключевую роль в жизни огромной империи, населенной многочисленными народами и соединившей в себе великое множество культур. Появление христианства перевернуло всю внутреннюю жизнь империи, а оформление союза римского государства и Церкви разделило ее историю на две части. Неслучайно мы знаем две римские истории — историю Рима языческого и Рима Христианского. Между ними шла постоянная, порой ожесточенная борьба, в которой окончательная историческая победа, оказавшая определяющее влияние на всю последующую мировую историю, принадлежала именно Христианскому Риму.

В данном контексте приобретает особую значимость проблема оформления союза между римским государством и Церковью, происшедшего под влиянием процессов христианизации Римской империи в IV в., когда, по словам М.Э. Поснова, «Церковь из гонимой становится не только терпимой, дозволенной и равноправной с другими религиями, но

Станислав Александрович Сахаров — аспирант Смоленского государственного университета.

и покровительственной и привилегированной», а затем и господствующей¹. Союз империи и Церкви стал событием исторического масштаба. На смену жестокому языческому миру должен был придти новый Христианский мир, олицетворением которого стало человеколюбивое Христианское учение. В этой связи император Константин, как отмечает М.Э. Поснов, удивительно точно встроился в общий ход мировой истории. «Константин Великий был человеком для времени, как и время — для него»².

В IV в. радикально изменяется положение Христианского духовенства. Епископы распоряжались огромными имуществами и финансами, а сама Церковь превратилась в крупного землевладельца³. Духовные лица были обременены многообразными торговыми операциями⁴. В связи с этим неизбежно рос социальный престиж и общественное значение Христианского духовенства, в особенности епископов, которые все чаще вовлекались не только в общественную, но и в политическую жизнь, становясь «патронами» целых городов⁵. «Епископы в IV в. стали пользоваться особым уважением и почтением, причем не только со стороны простых людей, но и царственных особ»⁶. Одновременно происходили процессы постепенного политического вставания Церковных структур в структуры государственные. Сами эти структуры в конечном итоге оказались взаимообусловлены и неразрывно взаимосвязаны⁷, так как, по словам

¹Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 249.

²Поснов М.Э. История... С. 249.

³Лебедева Г.Е. Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1989. С. 11.

⁴The Cambridge Ancient History. Volume XIII. The Late Empire, AD 337–425. Cambridge, 2007. P. 262.

⁵Cameron A. The Later Roman Empire AD 284–430. Cambridge, 1993. P. 71.

⁶Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV в. Смоленск, 2002. С. 252.

⁷Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Volume II. Baltimore. 1986. P. 875.

В.В. Болотов, в основе «схемы Церковного управления» лежала «схема государственная»⁸, а епископ же мог восприниматься в провинции как посланник властей⁹.

Однако особое внимание следует обратить на тот факт, что Христианское духовенство, епископы превратились в централизованной и бюрократизированной Римской империи эпохи домината в хранителей утраченных черт полисной и республиканской демократии. Для Церковной организации IV столетия вообще характерен определенный демократизм¹⁰. Как отмечает М.М. Казаков, «система домината фактически уничтожила традиции муниципального самоуправления, и епископа, еще избираемого населением, все больше воспринимали как лидера гражданской общины, который кроме основных епископских функций часто выступал как судья, покровитель вдов и сирот, посредник между населением и властью»¹¹. Последнее свидетельствует о взаимозависимости власти и Церкви, ибо «стоять выше всяких верований государственная власть не могла, и жизнь мощно зывала к власти по вопросам веры, а Церковь добивалась тех прав и привилегий, которыми пользовалась языческая религия и представители языческого культа»¹².

Рассматривая вопросы взаимоотношений позднеримского государства и Христианской Церкви, необходимо обратить самое пристальное внимание на позднеримское императорское законодательство. И особая роль здесь, конечно, принадлежит «Кодексу Феодосия» — этому, по словам Е.В. Сильвестровой, «уникальному памятнику правовой мысли

⁸ *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. III. СПб., 1913. С. 212.

⁹ *The Cambridge Ancient History. Volume XIII. The Late Empire, AD 337–425.* Cambridge, 2007. P. 269.

¹⁰ *Bury J.V.* History of Later Roman Empire. 1923. P. 66.

¹¹ *Казаков М.М.* Епископ и империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995. С. 91.

¹² *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 259.

Поздней Римской империи»¹³. XVI книга Кодекса регулирует взаимоотношения Христианской Церкви с внешним миром, устанавливает права и привилегии Христианского духовенства, регламентирует возможности противодействия противникам христианства, еретикам и пр. Неслучайно, что в современной исторической науке огромное внимание при изучении античного христианства уделяется именно императорскому закону. Примером подобного рода служит издание «Религиозное законодательство римских императоров от Константина до Феодосия II», являющееся частью большого проекта по переводу текстов по истории античности под эгидой французского Национального центра научных исследований и при поддержке Академии надписей и изящной словесности Франции¹⁴.

«Кодекс Феодосия» позволяет выделить целый ряд направлений религиозной политики императоров, некоторые особенности положения Христианской религии в Поздней империи. Особый правовой статус христианства закрепляется комплексом императорских эдиктов, которые не только гарантируют права и привилегии Христианского духовенства, но и устанавливают привилегированное положение христианства в целом. Среди таких нормативных актов в первую очередь следует отметить конституцию Констанция и Константа от 14 февраля 361 г, в которой правители обращаются к жителям Антиохии со следующими словами: «Мы осознаем, — пишут императоры, — что наше государство больше поддерживается религией, чем официальными обязательствами и тяжелым физическим трудом и потом» (CTh. 16. 2. 16). Это не только указывает на особую роль христианства в римском обществе, осознаваемую государством, но и обуславливает постоянное подтверждение прав и привиле-

¹³Первый титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия. Вводная статья, перевод, краткий историко-правовой комментарий Е.В. Сильвестровой // Вестник ПСТГУ. I:2 (26). М., 2009. С. 7.

¹⁴*Сильвестрова Е.В.* Les lois religieuses des empereurs romains de Constantin à Théodose II (312–438). I. Code Théodosien livre XVI. Cerf, 2005 (SC; 497); II. Code Théodosien I–XV, Code Justinien, Constitutions Sirmondiennes. Cerf, 2009 (SC; 531) // Вестник ПСТГУ. I:4 (32). М., 2010. С. 119.

гий клира, ту подчеркнутую благосклонность, которая прослеживается в позднеримском императорском законодательстве в отношении христианства.

Постепенная интеграция Церкви и государства выражается в проникновении светского императорского закона во внутрицерковную жизнь. В данном контексте довольно интересно распоряжение Грациана, Валентиниана и Феодосия от 30 июля 381 г., в котором власть позволяет себе устанавливать некие списки «правильных» епископов, и по собственному усмотрению решать, кого допустить к «занятию» Церквей, а кого изгнать оттуда. «Мы приказываем, — заявляют императоры народу Константинополя, — чтобы все Церкви были тотчас переданы епископам, о которых станет известно, что они состоят в общении с Нектарием, епископом Константинопольской Церкви, а также с Тимофеем, епископом города Александрии в Египте; с Григорием, епископом Нисским; Терением, епископом Скифии, Мармарием, епископом Марцианопольским» и т.д. «Этих надлежит допустить к занятию Церквей на основании пребывания в общении с достойными епископами; всех же тех, которые не имеют общения в вере с теми (епископами), которые были указаны в особом перечне, следует изгнать из Церквей как открытых еретиков» (СTh. 16. 1. 3). Подобный подход можно рассматривать как открытое вмешательство императорской власти во внутренние дела Церкви. Государство становится на сторону одной части «правильных» христиан, противопоставляя себя другой, что имело особое значение для первых в условиях непрекращающейся борьбы в недрах самого христианства. Дополнением к рассмотренному постановлению служит эдикт Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 23 января 386 г., по которому императоры предоставляют «право собраний тем, кто придерживается нерушимых установлений Ариминского собора, подтвержденных на Константинопольском соборе» (СTh. 16. 1. 4) с одним лишь ограничением, что эти собрания не должны прямо или косвенно противоречить интересам государства. «Если они попытаются устроить какое-либо возмущение против

предписания нашей светлости, ответят головой как устроители мятежа, нарушители мира в Церкви и даже как виновные в оскорблении величества» (СTh. 16. 1. 4).

Вмешательство светского закона в Церковную жизнь прослеживается и по целому ряду других аспектов. Императорское законодательство обращает внимание на сохранение непорочности морального облика Христианского духовенства, даже вмешивается в порядок введения в сан. В данном отношении заслуживает внимания постановление Константина от 25 мая 323 г., из которого следует, что часть Христианского духовенства не гнушалась участия в языческих обрядах. Таковых лиц предписано «публично бить дубинами» (СTh. 16. 2. 5). 8 мая 420 г. Гонорий и Феодосий направляют на имя префекта претория Палладия распоряжение, по которому «всякий человек в каком-либо духовном ранге должен знать, что общение с посторонними женщинами для него непозволительно» (СTh. 16. 2. 44). Единственным исключением было право духовного лица «пребывать в доме матери или сестры» (СTh. 16.2.44), что не рассматривалось как преступление. В соответствии с распоряжением Аркадия и Гонория от 27 июля 398 г. «в Церквах, которые как обычно бывает, устроены в земельных владениях разных собственников, а также в селах или любых местах, пусть назначаются клирики не из другого имения или села, но из того, где будет находиться Церковь, так, чтобы число клириков было назначено точным указанием епископа в соответствии с величиной и процветанием каждого села» (СTh. 16. 2. 33). Распоряжением 416 г. Гонорий и Феодосий устанавливают численность Христианского духовенства города Александрии: «Мы устанавливаем декретом, что число тех, кто назван слугами больных, не будет больше пяти сотен» (СTh. 16. 2. 42). Причем в это число не должны допускаться такие, кто, как пишут правители, «купил должность» (указание на обычную для Позднего Рима административную коррупцию). При этом список имен лиц, претендующих на духовный сан, утверждал гражданский чиновник — августальний префект (СTh. 16. 2. 42).

Таким образом, можно опять-таки говорить о довольно грубом вмешательстве государства во внутрицерковные дела. Но есть основание посмотреть на все это и с иных позиций. Фактически мы видим сближение статуса главы местной Церковной организации с гражданским начальником диоцеза. Последний, однако, все же оказывается несколько выше в рамках этой новой государственно-церковной вертикали власти. Хотя в некоторых случаях духовные лица обладали точно такими же правами, как и светские чиновники, что может свидетельствовать о своеобразной интеграции первых лиц Церковной иерархии и государственной бюрократией. Причем наиболее ярко эта интеграция проявилась в судебной сфере, так как епископы в Позднем Риме наделяются обширными судебными полномочиями (решения епископского суда были приравнены к постановлениям светских судов, например, ректоров провинций). Все это позволяет авторам «Кембриджской древней истории» говорить о постепенном «вовлечении епископов в местные политические элиты и служение государству»¹⁵. При этом сами епископы, как отмечает А. Джонс, не всегда были довольны подобной практикой. «Августин и другие жаловались на то, что слишком много времени приходится уделять юридическим обязанностям»¹⁶.

И все же постепенное вовлечение Церковных иерархов в позднеримскую судебную систему является неоспоримым фактом, подтвержденным законодательно. Уже 23 июня 323 г. появляется эдикт Константина, в соответствии с которым «всякий судья должен помнить, что если дело представлено к суду епископа, то он должен хранить молчание» (CTh. 16. 27. 1). При этом сами участники судебного процесса наделяются неограниченным правом выбора суда (CTh. 16.27.1). Данная практика подтверждается и в начале V в. В 408 г. был издан эдикт Аркадия, Гонория и Феодосия, по которому «приговор епископа будет иметь силу для

¹⁵The Cambridge Ancient History. Volume XIII. The Late Empire, AD 337–425. Cambridge, 2007. P. 272.

¹⁶Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону – Москва, 1997. С.256.

всех лиц, которые на это согласились» (CTh. 16. 27. 2). Императоры обращают особое внимание на необходимость «почтения» судебных решений епископов, возлагая ответственность за это на префекта претория (CTh. 16. 27. 2).

В части организации судебного процесса епископский суд, судя по данным «Кодекса Феодосия», должен был соответствовать общим принципам позднеимперского судопроизводства, что вытекает из распоряжения Валента, Грациана и Валентиниана от 17 мая 376 г. — «все то, что привычно в ведении гражданских исков, также будет соблюдаться и в Церковном споре» (CTh. 16. 2. 23). В вопросах же уголовного правосудия закон занимает иные позиции: «если будет сделано уголовное заявление, оно должно быть доведено до сведения судьи муниципалитета <...> для того, чтобы все, что доказано, было наказано его приговором» (CTh. 16. 2. 23). Следовательно, общеуголовные преступления оказываются вне поля ведения епископского суда.

Говоря о правовом статусе позднеимперского духовенства, невозможно обойти стороной тот факт, что сами духовные лица были неподвластны гражданским судам. Последнее следует из целого ряда императорских постановлений и не только свидетельствует о постепенной интеграции духовенства с государственной бюрократией, но и о своеобразной аристократизации клира. Констанций и Констант 7 октября 355 г. издают эдикт, в котором безапелляционно заявляют: «Мы запрещаем епископам быть обвиняемыми в суде» (CTh. 16. 2. 12). «Если какие-либо люди будут подавать иски (против епископов), такие иски могут быть рассмотрены перед другими епископами» (CTh. 16. 2. 12). Императорский закон, следовательно, выводит епископов из-под всякого судебного контроля со стороны светского суда.

Однако в наиболее законченной форме неподсудность духовенства гражданским судам оформляется в конституции императоров Феодосия и Валентиниана 425 г., где под судебный иммунитет клириков подводится и соответствующее идеологическое обоснование. «Клирики не долж-

ны быть ответственны перед гражданскими судами» по той простой причине, что недопустимо «чтобы начальники божественной службы отвечали перед подданными временной власти» (СTh. 16. 2. 47).

Признаками интеграции христианского духовенства и аристократии служит предоставление клиру огромных привилегий как социально-политического, так и экономического плана. Данные «Кодекса Феодосия» позволяют подтвердить известные факты освобождения клириков от налогов, муниципальных или государственных служб, наделение их правом беспроцентной торговли. Уже в первой половине IV в. оформляется фискальный иммунитет Христианского духовенства, Церковь становится привилегированным участником экономических отношений. Перед ней открываются практически неограниченные возможности для накопления материальных средств, которые могли идти как на помощь бедным, что предусмотрено императорским законом (СTh. 16. 2. 10), так и на развитие и укрепление самой Церковной организации. Увы, можно констатировать, что не обошлось и без фактов личного обогащения отдельных представителей клира¹⁷.

Однако, разрастание и расширение прав и привилегий Христианского духовенства, санкционированное государством, имело и свою обратную сторону. Предоставление все новых и новых привилегий клирикам означало в конечном итоге численное увеличение аристократии, освобожденной от уплаты налогов, муниципальных обязанностей, обладающей юридическими преимуществами, что вступало в противоречие с собственными интересами государственной власти. Поэтому, с одной стороны, год от года подтверждая предоставленные клирикам привилегии, власть, с другой стороны, была просто вынуждена обратить внимание на необходимость установления каких-либо ограничений, препятствующих бесконечному разрастанию духовенства.

В данном отношении представляет интерес распоряжение Константина от 18 июня 320 г.: «Хотя была издана конституция, предписываю-

¹⁷ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, Москва, 1997. С. 256.

щая, чтобы отныне ни один декурион, или рожденный от декуриона, или же обладающий надлежащим имуществом и способный нести публичные повинности не искал убежища в имени и служении клириков, но чтобы в дальнейшем ставили на места почивших клириков только тех, у кого недостаточно имущества и кто не подлежит обременению гражданскими повинностями, Мы узнали, что были потревожены даже те, кто до публикации закона присоединился к сообществу клириков. Поэтому Мы предписываем, чтобы последние были освобождены от всякой тяготы, а те, кто после публикации закона, уклоняясь от публичных обязанностей, нашли убежище в рядах клириков, пусть будут исключены из их сообщества и возвращены в курию» (СTh. 16. 2. 3). Важнейшим ограничителем бесконечного разрастания клира в данном случае служит правило, в соответствии с которым введение в число служителей Церкви новых членов допускалось только в случае смерти духовного лица с целью его замены.

Однако следует обратить внимание и на весьма четко обозначенный в рассмотренном распоряжении принцип невозможности придания закону обратной силы. Если кто-либо из декурионов будет включен в число служителей Христианской Церкви в обход оговоренного выше ограничения, то должен быть немедленно возвращен в муниципалитет. Однако эта норма применялась только к правоотношениям, возникшим после ее введения. То есть, если кто-либо из подданных римских императоров все же был включен в состав клира до издания «декрета», то таковые лица должны считаться освобожденными от муниципальных обязанностей и приобретают все права и привилегии, предоставленные духовенству. Но если же кто-либо «будет искать убежища» среди служителей Церкви после издания названного «декрета», то будет незамедлительно возвращаться к прежним обязанностям. При этом императорское законодательство предусматривает определенные «сроки давности», по истечении которых человек считался навсегда освобожденным от муниципальных служб. В соответствии с распоряжением Валентиниана и Валента 370 г., «если какой-либо человек (клирик) <...> проведет 10 лет не бес-

покоенным, то он будет рассматриваться свободным [от муниципальных обязанностей] навсегда со своими потомками» (СTh. 16. 2. 19).

В целом, подводя итог проведенному анализу особенностей правового статуса Христианского духовенства в Поздней Римской империи на основе данных «Кодекса Феодосия», можно констатировать нижеследующее.

1. Закон закрепляет исключительно привилегированное положение клира в Римской империи эпохи домината, базирующееся на постепенном «врастании» Церковной организации в государственные структуры в целом и сближении с государственной бюрократией в частности.

2. Целый ряд императорских конституций свидетельствует о наличии в руках духовных лиц некоторых крайне важных властных полномочий, например, судебных, что сближает Церковных иерархов по своему правовому статусу с ректорами провинций — гражданскими чиновниками, отнесенных первой книгой Кодекса к числу высшего чиновничества империи.

3. Позднеримское законодательство гарантирует служителям Церкви широкий комплекс прав и привилегий, свидетельствующих о постепенной «аристократизации» духовенства, сближении социального статуса его представителей с позднеримской аристократией.

Говоря же конкретно о епископах, заметим, что они в Позднем Риме постепенно превращаются не только в духовных наставников отдельных регионов государства, но и становятся фактическими представителями государственной власти. Последнее приобретает особую значимость ввиду того, что сами епископы, как ни парадоксально это может показаться, выступали хранителями политической традицией времен языческой республики. Выразалось это, в первую очередь, в их выборности, столь характерной для формирования всей государственной системы времен Римской республики и утраченной в авторитарные времена неограниченной монархии домината.

Источники и литература

1. *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. III. СПб., 1913.
2. Второй титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия Перевод, краткий историко-правовой комментарий Е.В. Сильвестровой // Вестник ПСТГУ. I:2 (30). М., 2010.
3. *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. Ростов-на-Дону – Москва, 1997.
4. *Казаков М.М.* Епископ и империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995.
5. *Казаков М.М.* Христианизация Римской империи в IV в. Смоленск, 2002.
6. *Лебедева Г.Е.* Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (по данным Кодексов Феодосия и Юстиниана). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1989.
7. Первый титул шестнадцатой книги Кодекса Феодосия Вводная статья, перевод, краткий историко-правовой комментарий Е.В. Сильвестровой // Вестник ПСТГУ. I:2 (26). М., 2009.
8. *Поснов М.Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964.
9. *Сильвестрова Е.В.* Les lois religieuses des empereurs romains de Constantin à Théodose II (312–438). I. Code Théodosien livre XVI. Cerf, 2005 (SC; 497); II. Code Théodosien I–XV, Code Justinien, Constitutions Sirmondiennes. Cerf, 2009 (SC; 531) // Вестник ПСТГУ. I:4 (32). М., 2010.
10. *Bury J.V.* History of Later Roman Empire. 1923.

11. *Cameron A.* The Later Roman Empire AD 284–430. Cambridge, 1993.
12. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284-602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Volume II. Baltimore. 1986.
13. The Cambridge Ancient History. Volume XIII. The Late Empire, AD 337–425. Cambridge, 2007.
14. The Theodosian Code and Novels and Sirmondian Constitutions / A translation with commentary, glossary, and bibliography by Clyde Pharr in collaboration with Theresa Sherrer Davidson and Mary Brown Pharr. New Jersey, 2001.